

А
Марк Алданов

О положении эмигрантской литературы

Первая публикация: Современные записки, 1936, No 61.

Оригинал здесь: mochola.org

Неприятно подходить к сложному явлению "грубо". Мне приходится это сделать в настоящей краткой заметке о том, отчего не гибнет, конечно, но тяжело страдает эмигрантская литература. Она прежде всего и больше всего страдает от бедности - не в каком-либо фигуральном, духовном смысле слова, а в житейском, самом обыкновенном и очень страшном.

Разумеется, я отнюдь не хочу сказать, что нет других причин ее бедственного положения. Их немало, и в указании на любую из них найдется доля правды; но доля эта не во всех указаниях одинакова.

"Оторванность от родной почвы"? Да, конечно, есть правда и в ссылках на нее. Один из новейших французских литературных историков говорит, что четыре наиболее своеобразные (он употребляет слово "inattendus") книги конца 18-го и начала 19-го века написаны французскими эмигрантами. За границей же - и тоже главным образом эмигрантами - созданы знаменитейшие произведения польской классической литературы. Владислав Мицкевич в книге о своем отце, цитируя стихи Ксавье де Местра: "Je sais ce qu'il en coute a ceux que leur genie - Destine aux grands travaux, - De voir couler leurs jours, perdus pour la patrie - Dans un obscur repos...", пишет: "Этот отдых в безвестности должен был стать особенно тяжким мучением для военачальников, для государственных людей, для поэтов, низвергнутых с высоты радужных надежд в пучину горечи, перешедших от напряженно-лихорадочной деятельности к угрюмому бездействию, оторванных от родной почвы, разбросанных среди чужих народов, ежедневно себя спрашивавших, да не кошмар ли эта зловещая действительность... Естественно, послышались резкие упреки, сказалось болезненное нетерпение, раздалась страстные жалобы"... В польских мемуарах того времени можно найти почти все то, что видим и слышим мы, русские эмигранты. Немало было и насмешек с разных сторон, - в том числе и со стороны эмигрантов же. Теперь о насмешках не слышно. "За время выхodka, - говорит Спасович, - было свободно и беспрепятственно довершено умственное и литературное возрождение нации, потерявшей политическую самостоятельность. Появилось вдруг несколько перворазрядных поэтических гениев; утвердилось сознание национальной умственной и культурной своеобразности, продолжающей существовать и после отречения от надежд на государственную самобытность". Так обстоит дело с точки зрения историка, писавшего в 1900 году. За полстолетия до него современникам, самим эмигрантам, все казалось хаосом: безотрадный быт, нелепые мысли, смешные люди, "оторванная от родной почвы" литература...

я не делаю из этого никаких выводов, ни политических, ни иных. "Перворазрядные гении", о которых говорит Спасович, всегда и везде очень редкая случайность. Не каждый день рождаются Мицкевичи и Словацкие. Не надо, однако, делать и чрезмерных выводов из "оторванности от родной почвы". Мицкевич мог, конечно, и не уехать за границу, но если б он не уехал, то ни "Пана Тадеуша", ни третьей части "Дедов" в польской литературе не существовало бы: напечатать их было бы невозможно, а какие же поэты пишут для того, чтобы отложить рукопись в ящик, лет на пятьдесят или на сто, для потомства?

Если бы какой-либо французский или английский писатель на очень долгое время покинул родину, потеряв с ней связь, то это без сомнения тяжело отразилось бы на его творчестве: он очень многое потерял бы и не выиграл бы решительно ничего. Мы в ином положении. Для нас, кроме огромного минуса, есть еще более огромный плюс: мы выиграли - свободу. Самые восторженные поклонники советской литературы не станут все-таки серьезно утверждать, что она свободна. Мы же пишем, что хотим, как хотим и о чем хотим. я не отрицаю значения морального давления среды, - оно есть в эмиграции, как есть везде, в любой обстановке, во всем мире. Но только несерьезный или недобросовестный человек может сравнить этот вид давления с тем, какой существует в сов. России (к тому же "среда" в эмиграции разная, и те из зарубежных писателей, которые желали бы угождать зарубежным читателям, отлично знают, что на всех не угодишь). Социальный заказ для эмигрантской литературы существует лишь в весьма фигуральном смысле слова, в степени